

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.0t9x-rb65
EDN: CKCBMK

Б. Г. ТУКУМЦЕВ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БУДИМИРА ТУКУМЦЕВА, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ¹

**На территории ГУЛАГа (картинки с натуры),
1941–1943 годы**

Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,
Жаль, что лучше не могу.

А. Твардовский «Василий Теркин»

...В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.
Из старинной сибирской песни

На восьмой день пути наш эшелон, в котором мы 16 августа 1941 года выехали из Ленинграда, отправляясь в свою вторую эвакуацию, миновал город Омск и резко повернул на юг. И в тот же день прибыл в областной центр Северного Казахстана, в город Павлодар. Станция была конечной. И состояла она из двух железнодорожных путей и двух служебных зданий. Кругом была степь, а самого Павлодара мы сразу и не увидели. Но нам объяснили, что он находится несколько дальше, за возвышенностями, на берегу реки Иртыш.

Все пространство станции к моменту прибытия нашего эшелона было заполнено повозками, запряженными лошадьми и быками.

¹ Данная публикация продолжает издание разделов автобиографической книги российского социолога Будимира Гвидоновича Тукумцева (1927–2021) «История Будимира Тукумцева, написанная им самим» (малотиражное издание книги осуществлено в 2022 г.). Публикуется с разрешения Ирины Будимировны Олимпиевой. В последующих выпусках ПСС публикация разделов из книги Б. Г. Тукумцева будет продолжена. — *Редколлегия*.

Не теряя времени, возчики этих повозок — старики-казахи, в необычных для нас шапках-треуголках, приступили к погрузке багажа на подводы.

Уже через час мы были в городе. Местные власти встретили нас весьма организованно. Покормили, сверили документы и тут же распределили по местам назначения. Наша семья была включена в группу, которая направлялась в один из районных центров области, в село Иртышское. И вечером того же дня мы уже отправились туда по реке Иртыш, на большом колесном пароходе.

К месту назначения мы прибыли к концу следующего дня. Нам ждали, и это нас обрадовало. Родители очень боялись, что в суматохе военного времени здесь, в глухих местах, просто будет не до нас. Между тем все проходило четко и «без проволочек». Сложилось впечатление, что в селе уже знали, кто к ним едет и куда нас определять. Родителям сразу же предложили работу в средней школе села. Отца приняли преподавателем русского языка, а маму — учителем литературы в старших классах. Конечно, родители были рады тому, что им предложили работу по специальности.

Поселиться нам предложили в большой комнате рабочего общежития. Включили нас в список на выдачу хлебного пайка (500 грамм хлеба в день на каждого члена семьи). И, наконец, отвезли наши вещи на конной подводе к общежитию, где нам предстояло поселиться.

Лишь позже мы узнали, чем объяснялась столь высокая организованность приема, расселения и обеспечения хлебным пайком эвакуированных ленинградцев и вообще столь высокая подготовленность района к приему иногородних.

Село Иртышское

Прежде чем продолжить рассказ о событиях нашей жизни в этом далеком сибирском селе на Иртыше, было бы логичным сказать о том, каким мы его увидели в первые дни нашего приезда и что о нем успели узнать.

Село Иртышское появилось здесь в первые годы XX столетия. Создали его переселенцы, прибывшие из малоземельных районов центральной России. Они воспользовались возможностями и поддержкой известной в истории России Столыпинской земельной реформы и переехали в эти сибирские края.

Расположилось село на левом, очень высоком берегу Иртыша. Добежав до его откосов, могучая река плавно поворачивала к северу,

образуя гигантскую излучину. Жилые постройки, выстроившись рядами вдоль береговой кромки, растянулись вверх и вниз по течению реки очень далеко. А за селом раскинулась необъятная степь. Там свободно, без пастухов, паслись коровы и прочий домашний скот этого села. Они сами знали, когда идти на пастбище, а когда возвращаться. Утром и вечером, в одно и то же время, двигаясь по сельским улицам, они мычанием сообщали о своем движении к дому или от дома. Заборов у приусадебных участков не было. Но бредущий скот попасть на чужие огороды не мог. Они были защищены глубокими канавами.

Все это было очень непохоже на то, что нам доводилось видеть в сельской местности под Ленинградом. Здесь не было, например, деревянных построек, рубленых изб, оград. Для строительства жилых домов использовался саман. Это смесь глины с соломой. Крыши у многих домов по казахской традиции были плоскими, слегка наклонными. Правда, было немало и двухскатных крыш. В старой части села кое-где возле домов росли деревья. Но их было немного.

К моменту нашего появления в тех краях село Иртышское было одним из наиболее крупных населенных пунктов Павлодарской области, центром большого сельскохозяйственного района. Но при всей своей значимости с внешним миром и своим областным центром сообщалось оно лишь в летние месяцы по реке Иртыш. С апреля по октябрь здесь, хоть и редко, но ходили пароходы. А вот в зимнее время это сообщение прерывалось.

Ни автобусного, ни железнодорожного сообщения для связи с внешним миром не было. Благоустроенных дорог испокон веку не строили. Если автомашины и повозки отправлялись в путь, то двигались они по укатанным степным трактам. И нередко во время дождей застревали в пути. А когда зимой снег скрывал накатанную колею, езду или водителю приходилось двигаться «наощупь», по памяти.

Расстояние от села до Павлодара (областного центра) — 170 км, до Омска — 208 км. Вот такая была это глухомань.

К началу войны население села составляло около трех тысяч человек. Здесь не было промышленных предприятий.

Не было здесь и электрического освещения. Две маломощные электростанции действовали на элеваторе и машинно-тракторной станции, но только для их собственных нужд. Правда, одна из них, электростанция элеватора, обеспечивала работу радицентра. И в селе два раза в день включалось радиовещание — утром и вечером.

Для домашнего освещения часть жителей использовала керосиновые лампы. Но достать керосин, да еще в военное время, могли далеко не

все. Потому обходились светом от жара в печи. Или просто ложились рано спать.

Гуманитарная сфера села была представлена школами (русской и казахской), большим клубом, детским домом-интернатом, больницей и поликлиникой. Причем медицинские учреждения выделялись и своим размером, и состоянием помещений. Там было хорошее оборудование и хорошие специалисты. В аптеке был нормальный выбор лекарств. И сначала нас это очень удивило, но впоследствии мы узнали причину такого медицинского благополучия. И к этому мы еще вернемся.

Село поражало своей большой протяженностью вдоль Иртыша. Оно растянулось более чем на три километра. А его центр был обозначен единственным в селе двухэтажным деревянным домом, в котором располагались властные структуры района. Рядом находилось несколько одноэтажных саманных зданий административных служб и огромный колхозный рынок, работающий по воскресеньям.

Неожиданное открытие

Добравшись до рабочего общежития, где нам предстояло жить, мы обнаружили, что там нас, как и на пристани, ожидают. Это было, конечно, приятно. Мы внесли вещи в предназначенную нам комнату, обогреваемую железной печкой. Набили на матрасники сеном, которое нам разрешили взять из сарая, и получили совет: пока работает магазин, получить свой хлебный паек за день приезда.

Меня тут же отправили в магазин. Путь пролегал по улице, идущей вдоль реки, по широкому краю берегового обрыва. Поражало безлюдье и тишина. Вокруг ни души. И вдруг я увидел, что далеко впереди на улице появилась и движется мне навстречу строем колонна людей, одетых в гражданскую одежду. Они шли по два человека в ряд, держа руки за спиной. Приблизившись к ним, я увидел, что это были женщины среднего и старшего возраста. Их лица были спокойны, с застывшими и устремленными куда-то вперед взглядами. А головы были закутаны темными платками, хотя на улице было тепло.

Колонну сопровождали три пожилых милиционера с винтовками в руках. Они шли по бокам колонны и почему-то смотрели себе под ноги. Я остановился, но они не сделали мне замечания. И я смог рассмотреть и даже пересчитать идущих женщин. Их было двадцать две.

Колонна остановилась возле одноэтажного здания с вывеской «Районный суд» и стала медленно втягиваться в дверной проем. Последними в здание вошли конвоиры. И на улице снова стало безлюдно.

Я двинулся дальше, но никак не мог понять, что же здесь на моих глазах происходило. Первый раз в жизни я увидел в реальности, как людей, да еще в таком количестве, ведут под конвоем с оружием. Это было для меня неожиданно. Впереди показалась вывеска «Магазин райпотребсоюза». На полках было пусто. Лежали только хлебные буханки. Получив паек на два дня, я вернулся домой и, конечно, рассказал о том, что только что увидел. Родители насторожились.

На следующий день они отправились в школу знакомиться. Их встретила директор, женщина средних лет, Мария Федоровна Кадькалова. Она оказалась коренным жителем села. Состоялась беседа, которой, по словам родителей, «обе стороны остались довольны».

А на заданный родителями вопрос о том, кто были женщины, которых их сын увидел около здания суда, они узнали от нее нечто, что заставило их очень удивиться.

Мария Федоровна поведала им, что в начале 30-х годов на территории Иртышского района был создан один из карательных лагерей ГУЛАГа (ГУЛАГ — это Главное управление лагерей НКВД). С тех пор сюда под конвоем прибывают и расселяются в деревнях района люди, осужденные за антисоветскую деятельность на ссылку по статье 58. Срок такой ссылки обычно колебался от 5 до 10 лет. Но большая часть ссыльных попадает в лагерь после отбытия основного срока в «трудовых лагерях». То есть в бараках за колючей проволокой на севере, или, как говорили сами эти ссыльные, «на северах». Таким образом, они отбывают два срока. (Например, 10 лет «на северах» и пять–десять лет ссылки.)

Еще одну группу находящихся в лагере составляли люди, как правило, с семьями, доставленные сюда на поселение (поселенцы). Они были вывезены с мест своего постоянного проживания по какому-то правительственному решению, связанному с политическими или военными событиями. Это были интернированные семьи взятых в плен в 1939 году польских офицеров, немцы Поволжья и кто-то еще. Им был неизвестен срок пребывания здесь: их судьба решалась на политическом уровне.

Порядок поселения, питания, трудовой занятости в лагерях для отбывания срока ссылки отличался от распорядка жизни заключенных в трудовых лагерях. Здесь осужденные жили не в бараках за колючей проволокой, а на частных квартирах в населенных пунктах района. Они не ходили строем на работу, а самостоятельно трудоустроивались на свободные рабочие места, могли вести подсобное хозяйство. Осталось для меня загадкой — выплачивались ли им деньги на содержание или

они сами обеспечивали себя всем необходимым для жизни. Но покидать населенный пункт, где они жили, без разрешения они не имели права. Роль лагеря в их жизни заключалась еще и в том, что все получали хлебный паек (500 гр.) и медицинскую помощь. Вот почему здесь была хорошая поликлиника. В ней тоже работали некоторые ссыльные.

«А женщины, которых днем раньше с конвоем встретил ваш сын, — завершила свой рассказ директор школы, — это граждане Польши, жены польских офицеров, интернированные еще в 1939 году при занятии советскими войсками территории Восточной Польши. И находятся они здесь на поселениях (то есть без определения какого-либо срока). Они ничего не знают о судьбе своих мужей. А в суд их водили, понуждая принять советское гражданство».

Так уже с первого дня нашего пребывания в селе Иртышском нам начала открываться неожиданная для нас сторона жизни села, в котором мы оказались, приехав из Ленинграда.

Мобилизован в трудовую армию

В последних числа августа было тепло. Мы обживались на новом месте, знакомились с соседями, приспособлялись к приготовлению пищи на общей плите, учились находить топливо. Два раза в день радиорупор, установленный в коридоре общежития, напоминал нам о том, что война продолжается, и не лучшим образом. Наши войска по-прежнему отступали с боями, оставляя один город за другим. И мы очень болезненно воспринимали эти сводки Совинформбюро.

Наконец наступило 1 сентября — начало учебного года. Ранним утром всей семьей мы отправились в школу. У каждого из нас начинался свой новый сибирский учебный год. Родители шли преподавать, мы с сестрой — учиться.

Расстояние от общежития, где находилась наша комната, до школы было большим. Но шли мы медленно. Маме с палочкой трудно было поспевать за нами.

Дошли вовремя. Два больших деревянных одноэтажных здания школы стояли недалеко друг от друга. Здание поменьше было предназначено для учеников начальной школы, в другом — побольше — занимались ученики старших классов.

Войдя в здание, мы оказались в зале, который начинался сразу от входной двери. Здесь рядами стояли обычные скамьи. Двери в классы были еще закрыты, и школьный народ рассаживался на этих скамьях в ожидании начала уроков. Родители ушли в учительскую, а нас стали

настороженно рассматривать сидящие ребята. Они сразу почувствовали, что мы «не свои».

Ожидание длилось недолго. В зал вышли все учителя, а с ними и наши родители. Подойдя ко мне, мама сообщила неожиданную новость. Оказалось, что начало учебного года для меня, как и для всех парней-старшекласников, откладывается на неопределенный срок. Все, кому исполнилось 14 лет, уже завтра должны выехать в колхозы на работы по уборке урожая.

Все дальнейшее происходило очень быстро. Нас, старшекласников, собрали в одном из классных помещений и вручили повестки о призыве в трудовую армию. За получение повестки следовало расписаться.

Высокий седой мужчина, представитель районной власти, подробно рассказал нам, что и почему. Сказал, что поскольку мужское население страны, включая и Иртышский район, мобилизовано в армию, рабочих рук в колхозах и на предприятиях стало не хватать. Поэтому принято правительственное решение о создании трудовой армии. В нее призываются граждане из числа неработающего населения и школьники старших классов. Все призванные должны участвовать в работе промышленных и сельскохозяйственных предприятий по направлению органов советской власти.

Окончил он свое выступление сообщением, что с этого момента мы, старшекласники, мобилизованы в эту самую трудовую армию. И поэтому несем ответственность за невыполнение трудовых обязанностей по законам военного времени. А в заключение пожелал нам удачи.

Так в возрасте 14 лет в первые месяцы войны я оказался мобилизованным. Правда, в трудовую армию. Воспринял я это как что-то естественное в условиях военного положения. Даже с чувством какой-то мальчишеской гордости. Ну а что можно было еще ожидать от ленинградского школьника, выросшего в семье, где в течение поколений сохранялся культ доброжелательного отношения к судьбам России. Как он мог вести себя и думать иначе?

Нас распределили по предприятиям и хозяйствам, где нам предстояло работать. Меня, восьмикласника, и девятиклассника Семена направили в колхоз, находившийся в деревне с очень ласковым названием Украинка. Село находилось относительно недалеко, где-то в 40 километрах. Нас предупредили, что отвезут нас туда уже на следующий день. Но для этого в половине шестого утра мы должны быть на постоялом дворе колхоза «Украинка». И мы с Семеном пришли туда вовремя.

Так уже в первый год войны мне пришлось прервать свое школьное обучение и перейти к учебе экстерном, по большей части занимаясь дома, по вечерам, и сдавать экзамены в индивидуальном порядке. Наиболее существенно пострадало от этого мое умение грамотно писать. Не выработался, как это заложено учебной программой в школе, приемлемый стиль изложения мыслей. На долгие годы это осталось «травмой военного времени» и ограничивало меня во многом.

Учителя Иртышской школы

Мобилизация старшеклассников не помешала началу нового учебного года в Иртышской средней школе. Занятия начались во всех классах. Приступили к проведению занятий и наши родители. На первых же переменах началось их знакомство с работающими в школе учителями.

Большая часть учителей были потомственными жителями села, получившими педагогическое образование в ближайших сибирских городах. Учебный процесс в школе осуществлялся, как и во всех школах страны, по единой программе.

Необычным было то, что часть преподавателей были людьми не местными, ранее жившими и работавшими в центральной и западной части страны. Это были те, кого в годы репрессий осудили в специальных судебных процессах за «антисоветскую деятельность». Сроки заключения они отработали в сибирских лагерях, в шахтах, на рудниках, проживая в бараках, за колючей проволокой. А срок ссылки после заключения они отбывали в лагере ГУЛАГа типа Иртышского. Наиболее распространенным был такой срок: «Десять лет лагерей и семь лет ссылки». Вот такая «бухгалтерия репрессий».

Ссылные жили в населенных пунктах района, где им снималось жилье. В самом Иртышском оставались только те, кто по уровню образования или по специальности мог быть здесь востребован. Так, несмотря на «политический характер их судимости», им разрешалось работать и в школе. Даже поощрялось. И это, безусловно, было разумным решением.

Те политические ссылные, которые ко времени нашего приезда работали в школе преподавателями, были высокообразованными специалистами, работавшими ранее в различных учебных заведениях страны, включая вузы и научные организации. Это были разносторонне образованные, талантливые люди, представители послереволюционной российской интеллигенции.

К сожалению, в памяти сохранились далеко не все имена учителей, да и не со всеми я был знаком. Помню, что литературу в школе преподавал писатель Е. Н. Пермитин (из Москвы). Математику в разных классах школы вели П. Г. Руш, ранее работавший доцентом в пединституте г. Энгельса, и учитель математики средней школы из Рязани В. М. Беднягин. Уроки биологии вела биолог Е. Н. Карпова из НИИ г. Воронежа. Ботанику преподавал доцент Саратовского пединститута Г. Е. Солодовников.

Многие имена я, к сожалению, не запомнил, хотя сдавал некоторым из этих специалистов экзамены, иногда на дому. (Я учился экстерном, и некоторые экзамены мне разрешалось сдавать даже летом.) Всего в школе работало 12 преподавателей-ссылных.

Пополнение числа репрессированных преподавателей продолжилось и на следующий год. Ранней весной 1942 года на грузовиках в село прибыла большая группа немецких семей из г. Энгельса (из Республики немцев Поволжья). Шла война, немцы подходили к Волге, и Комитет обороны страны начал опасаться контактов германских войск с жителями этой республики. И тогда было принято типичное для того времени решение о выселении всех немцев с Волги в Казахстан. Причем это была не ссылка, а «поселение». (Диву даешься и решению, и его масштабам, и вариантам карательных мер. Но не в последнюю очередь и тому, что немцев Поволжья после войны так и оставили в Казахстане. В отличие, например, от жителей Чечни.)

Среди прибывших «на поселение» в Иртышский район оказался бывший директор школы города Энгельса Владислав Христианович Лайер. Он был к тому же еще и членом коммунистической партии (ВКП(б)), а также преподавателем физики. Руководство Иртышского лагеря НКВД тут же отделило его от остальных (властных функций им хватало), и уже на следующий день он был назначен директором нашей Иртышской средней школы, что было доброжелательно встречено преподавательским коллективом.

Согласитесь, что при таком педагогическом составе не было ничего удивительного в том, что учебные занятия в Иртышской средней школе проходили на высоком профессиональном уровне, которому могли позавидовать и некоторые городские школы.

Высокая квалификация и культура педагогического состава не могла не повлиять и на содержание внеклассной работы в школе. Гвидон Романович, мой отец, к каждому четвергу готовил вместе со старшеклассниками «Живую газету». После кратких новостей с фронта и событий в районе шла рубрика: «Почему мы так говорим?»

Здесь в доступной форме говорилось об этимологии слов, о фразеологизмах. Причем все это сопровождалось добрым юмором. Послушать эту «газету» приходили даже родители учеников.

Математик П. Г. Руш, имея консерваторское образование, устраивал тематические концерты классической музыки. К всеобщей радости, он создал в школе ученический оркестр, который выступал на вечерах. Писатель Е. Н. Пермитин читал по пятницам, после уроков, новые главы своих повестей.

Школьники не воспринимали этих педагогов как людей чуждых, как преступников. Они были рады их и видеть, и слушать. А значительная часть родителей считала, что их детям и школе в целом крупно повезло, что здесь оказались эти замечательные специалисты и высокообразованные люди.

Только один пример. Внук старика Пономарева, столыпинского переселенца, учившийся в классе моего отца, стал после пединститута доктором филологии и завершил свою жизнь в должности декана филологического факультета Саратовского университета. (И это выпускник Иртышской средней школы!)

В селе Украинка

Утром 2 сентября 1941 года около 6 часов утра, как человек дисциплинированный, я подошел к постоянному двору колхоза «Украинка». Мой напарник — девятиклассник Семен — был уже там. Там же стояла запряженная повозка. Ехали в деревню Украинка мы не одни. Туда направлялось три семьи, а точнее, три женщины с детьми, эвакуированные с Западной Украины. Как удалось выяснить в пути, это были не просто эвакуированные, а жены командиров пограничных застав на западной границе. Весной этого, 1941 года они приехали с детьми к мужьям на побывку. Но во второй половине июня у их мужей, начальников застав, не оставалось никаких сомнений в том, что нападение германских войск начнется с часу на час. Поэтому семьи были срочно отправлены домой. Доехать до дома они не успели, но служба НКВД сумела во Львове посадить их в эшелон эвакуированных. Потом они долго кочевали, но наконец их направили в Сибирь, в Иртышский район. О судьбе своих мужей, оставшихся на границе, они говорить избегали.

Выехали мы с постоянного двора ровно в шесть утра. До полуденной жары предстояло одолеть немалое расстояние. Повозка, на которой мы ехали, была необычно большой, с огромными, около метра в диаметре,

колесами. По длине она была раза в два больше привычной крестьянской телеги. Такие повозки хороши в степях, на хлебных полях для перевозки скошенной пшеницы, сена, соломы. Высота погруженного воза достигает в этом случае двух человеческих ростов. Называют эти телеги бричками.

Я рассказываю столь подробно об этой повозке потому, что в течение двух месяцев моей последующей работы в деревне такая вот бричка была основным орудием моего труда.

Ехали мы быстро. Бричка катилась по накатанному тракту, преодолевая колдобины и подскакивая на ухабах. Благодаря огромным колесам тряска почти не ощущалась. К тому же на полу брички лежало несколько охапок свежего сена, которое смягчало толчки. Две красивые, сильные лошади, запряженные в бричку, почти всю дорогу шли рысью.

По степи я ехал первый раз в жизни и с интересом разглядывал ее необъятные просторы под огромным, почти безоблачным небесным куполом. Никогда раньше мне не доводилось видеть такой объемный горизонт — бесконечную линию, которая, не прерываясь, окружала нас со всех сторон...

Уже через четверть часа постройки села Иртышского, из которого мы выехали, скрылись из глаз, опустившись куда-то вниз. Зато впереди начали возникать непонятные сначала силуэты, которые по мере приближения оказывались то березовыми рощицами, то зарослями камыша, кое-где в низинах, среди этих зарослей и низкорослых кустов, открывались небольшие озерца. Здесь был водопой всего живого, что бегаёт, летает и ползает вокруг.

Зрелище было новое и захватывающее. Время пролетело быстро. И мы не успели особенно заскучать, как наша поездка подошла к концу. Три часа пролетели незаметно. На горизонте показалась большая группа деревьев. Потом стали видны дома. Мы прибыли к месту назначения, в деревню Украинка.

В центре села находился большой рукотворный котлован, наполненный водой, — главная примета сел, созданных переселенцами. Здесь поили скот, купались ребятишки. Вокруг котлована и домов на всем пространстве деревни раскинулась рукотворная березовая роща. Дома были необычно красивы. Они соответствовали названию деревни. Это были украинские хаты-мазанки, крытые соломой, как на Украине. А стены были аккуратно побелены.

В правлении колхоза быстро определили наше место работы и на той же повозке отправили на большой зерновой ток в степь.

Погонщик быков

Зерновой ток оказался большой утоптанной и освобожденной от какой бы то ни было растительности площадкой в степи, обустроенной на расстоянии примерно километра от села. Здесь обмолачивали скошенную на полях пшеницу, очищали и сушили зерно.

Комбайнов в деревне Украинка не было. Пшеницу и все остальные зерновые культуры косили здесь старыми, еще дореволюционными конными косилками. Они не только скашивали пшеницу, но и укладывали ее в небольшие копны (стожки). Эту технику, запряженную двумя лошадьми, называли почему-то «лобогрейка». Возможно потому, что труд на таком конном агрегате был очень тяжелым. Здесь работали мужчины. В нашей бригаде было трое пожилых мужчин. Молодых мужчин или мужчин среднего, как тогда говорили — призывного, возраста к этому времени в деревне уже не осталось. Все были в армии.

Скошенную пшеницу свозили на зерновой ток и обмолачивали на громоздком агрегате — молотилке. Ее приводила в действие паровая машина. Вся техника была еще дореволюционной, купленной в далекие времена за рубежом. По табличкам можно было установить, что оба агрегата были из Швеции. Когда-то давно они были приобретены переселенцами времен столыпинской эпохи.

Полученное зерно очищали с помощью ручных веялок, которые стояли тут же. А затем расстилали его на всем свободном утоптанном пространстве тока. По мере того как оно подсыхало, его сгребали в кучи и увозили на конных подводах и грузовиках на элеватор, в село Иртышское. Вот таким был уборочный процесс, и такая техника еще использовалась в те годы сибирскими колхозами.

Рядом с зерновым током стояли три глинобитных дома. В одном размещался бригадир, второй занимали механики молотилки и лобогреек, местная «элита». В третьем, самом большом, отдыхали остальные колхозники, которые оставались ночевать на току. Здесь на нарах расположились и мы. У нас было с собой по одеялу, под которое мы подстелили солому. Но пока было тепло. Потом пришлось перелечь на солому, а одеяло использовать по назначению.

Рабочий день продолжался не меньше 14 часов. Начинался он в 6 часов утра с завтрака. На завтрак варили овсяную или пшеничную кашу. Обед был в 13 часов. Готовили постный борщ или щи, правда, густые, и отварную картошку (или кашу). Вечером, в восемь часов, — галушки или блины. И чай из каких-то листьев, но душистый. В хлебе и чае не ограничивали.

Около кухни, под навесом, висел кусок железной рамы трактора, по которой повариха, приглашая к столу, стучала обрезком трубы. Но мы в поле и без этого сигнала чувствовали, когда надо было начинать двигаться к кухне.

Свободного времени не оставалось. После работы, особенно в первые дни, мы старались поскорее добраться до своей «лежанки» и лечь спать.

Вначале нас с Семеном поставили на очистку зерна, крутить веялку. И мы добросовестно крутили ее рукоятку, засыпали в нее сорное зерно ведром и отгребали из-под нее чистое лопатой.

Но неожиданно место работы поменяли, и нас назначили погонщиками на брички. На такие же повозки, на которой мы приехали сюда. Нам теперь поручили перевозить скошенную пшеницу с поля к молотилке, а солому, после ее обмолота, к скирдам, где она хранилась. Таким образом, нас включили в основной уборочный процесс.

Запряжены наши брички были не конями, а рабочими быками. Вначале нас это несколько смутило. Несмотря на небольшой возраст, у меня уже был опыт общения с лошадьми, когда мы жили на даче, в деревне под Ленинградом, а вот с быками нет.

Но мы быстро освоились и пришли к выводу, что в работе с быками есть много позитивного. Их, например, не надо бить и вообще применять к ним какое-либо физическое воздействие. Они оказались добросовестными и толковыми работягами. Если нужно было, например, повернуть бричку направо, надо было просто крикнуть «ЦОБ» и слегка ткнуть палкой левого быка. Когда же надо было ехать влево — надо было крикнуть «ЦОБЕ» и ткнуть правого. Каждый бык знал свою кличку и тут же ускорял свой ход. И бричка неумолимо поворачивала в нужную сторону. А палка была лишь так, напоминанием. Вот такой была технология поворота. Ну а прямо они всегда ходили безупречно. Причем всегда с одинаковой скоростью.

Вечером мы распрягали своих бычков и отводили в степь, пастись. А чтобы они далеко не убежали, спутывали им передние ноги веревочными путами.

В течение дня мы без перерыва перевозили к молотилке скошенную пшеницу. В погрузке и разгрузке пшеницы и соломы главную роль играли работницы бригады. Возле молотилки пшеницу разгружали, а на порожнюю бричку грузили солому. Бычки под нашим управлением везли ее к скирдам, которые стояли вдоль дороги к деревне. Там тоже были грузчики, которые складывали солому на эти скирды. Зимой эта солома была дополнительным кормом для скота. А летом ее использовали в домах как топливо.

Таким образом, работа на бычках оказалась для нас, школьников, не тяжелой. На нас возлагалось участие в погрузке, очистка брички, уход за бычками, но главное — своевременное прибытие на погрузку и разгрузку. Спина, однако, особенно вначале, все-таки побаливала.

Иногда эта монотонная дневная работа перемежалась небольшими вечерними вполне легальными подработками. Это случалось, когда бригадир разрешал кому-то из колхозниц привезти домой воз соломы. Как правило, он давал одновременно два таких разрешения, зная, что у него есть две брички с быками. А оба погонщика не прочь подработать.

Забегая вперед, хочу сказать, что расплачивались заказчицы с нами не деньгами. Но достаточно разумно. Они приносили нам на следующее утро к завтраку по бутылке молока, пирожки с пасленом, свежие огурчики, вареные яйца, творожок. Все это было для нас очень кстати. Appetit на свежем степном воздухе был волчий. И казенной еды, конечно, не хватало.

В такие вечера, когда намечалась подработка, мы не распрягали быков в конце работы, а подъезжали к скирдам соломы и грузили на брички вместе с «заказчицами» столько, сколько можно уместить. Вozy вырастали в высоту не менее чем на три метра. Затем хозяйки самолично увязывали солому жердиной и веревками и уходили короткой дорогой через пшеничное поле домой, чтобы встретить нас. А мы, направив бычков по дороге, забирались каждый на верх своего воза и устраивались там поудобнее.

Я очень любил эти ночные поездки. Лежа на спине на медленно передвигающемся и покачивающемся возу, я видел над собой бескрайнее небо, усыпанное звездами. В степи летом не бывает облаков. И на ничем не прикрытом своде гигантского космического шатра от горизонта до горизонта я разглядывал рассыпанные в бесконечных вариациях миллиарды космических светил. Возникало удивительное чувство причастности к чему-то великому, вечному. Ощущение торжественности при встрече лицом к лицу со Вселенной. В свой степной дом мы возвращались обычно уже за полночь. Как правило, сидели рядышком, на одной бричке, и вели бесконечные разговоры.

Жили мы с Семеном дружно. Вдвоем было не страшно, например, сходить ночью в степь, на озера. Однажды нам довелось в той степи увидеть сказочной красоты атмосферное явление. Это случилось после того, как мы обнаружили в степи диких гусей, и Степан решил поохотиться на них. Ценой бессонной ночи привез из дома охотничье ружье. И поднявшись в 4 часа утра, мы с ним отправились в поля, искать гусей. Гуси, по закону подлости, конечно, не прилетели.

Просидев до рассвета на копне, мы решили возвращаться. Солнце только еще собиралось выглянуть. Как вдруг неожиданно чуть выше линии горизонта мы увидели тот самый мираж, о котором когда-то каждый из нас читал. На кромке неба возникли здания города из яркого белого камня, темно-зеленые пальмы и шагающие мимо этих белых строений верблюды. Как в сказке! Мы стояли оцепенев и наблюдали за этим волшебным явлением, напоминаящим кадры кино. Длилось это минуты две-три. Как только солнце за нашей спиной выглянуло из-за горизонта, видения исчезли.

До того случая я считал, что миражи бывают исключительно в пустынях, но никогда не думал, что смогу их увидеть в казахстанской степи.

С наступлением октября пришли холода. Уборка затягивалась, и руководство нервничало. Не хватало ни людей, ни техники. Между тем пшеница созревала по своим законам и начала осыпаться. Работы шли непрерывно.

При низкой температуре ночевать в бригадном доме, где не было отопления, стало нестерпимо. Нас с Семеном поселили в деревне, в одном из частных домов. Спали мы на широком деревянном топчане в кухне, возле русской печи. Утром, еще до восхода солнца, по пути на свой «рабочий маршрут» мы на своих бычках подвозили колхозников из деревни на ток, а вечером — обратно. Так что наш рабочий день теперь увеличился до 15 часов.

Попытались мы отпроситься домой. Самовольно уехать нам было нельзя. Нужна была справка о том, что мы отработали положенное. Главный козырь, на который мы тогда напирали, — это отсутствие у нас теплых вещей. Но не тут-то было! Каждому выдали по старому ватнику. Нашли по старой шапке-ушанке (можно было только гадать, сколько голов они повидали). А еще сшили из старых мешков две подушки, которые мы набили соломой и возили с собой, чтобы не сидеть целый день на холодных досках брочки.

Утешало нас лишь одно. Если не отпускают, значит, оказались мы здесь нужны. Значит, была от нас реальная польза. Это нас в душе радовало. А бригадир успокаивал: «Терпите, ребята, вы же люди мобилизованные». Что поделаешь, но в ватнике и шапке трудиться стало теплее, и настроение улучшилось.

Словом, в Иртышское мы вернулись только в последних числах октября, после почти двухмесячного отсутствия. Не заболели, окрепли и основательно потемнели от осеннего загара. И сразу же приступили к занятиям в школе. Предстояло догонять, набираться ума для сдачи

экзаменов. Хотя уже тогда было очевидно, что нам, мобилизованным, сдавать экзамены вместе с классом все равно не придется. Тогда мы уже знали, что в марте нас опять отправят в колхозы на посевные работы. Но теперь уже в качестве трактористов.

После возвращения всех нас обязали после уроков посещать курсы тракторного дела. Они были организованы тут же, в школе, во вторую смену. Занятия на курсах проводил преподаватель школы механизации, инженер-механик Николай Иванович Покровский (кстати, тоже человек ссыльный), и заниматься у него было очень интересно.

По окончании курсов нам предстояло сдать квалификационный экзамен на право работы трактористом и вслед за этим выехать в начале апреля на посевную.

Что касается экзаменов за 8-й класс, то директор обещала у нас их принять, разумеется, у тех, кто подготовится, в конце лета. Вот такие пироги! И началась учебная зима.

Сообщение о разгроме немцев под Москвой застало нас во время занятий. Прервав уроки, нас собрали в школьном зале и рассказали об этом радостном и, безусловно, историческом событии. Мы долго кричали «ура». Для каждого из нас это было по-своему важно. Наконец-то появилась подкрепленная мощнейшим аргументом уверенность в победе нашей Красной армии. Ведь под Москвой немцы впервые в этой мировой войне вынуждены были отступать. Все их блиц-планы оказались похороненными.

Столыпинские переселенцы

Для моих родителей первые месяцы жизни в селе оказались тяжелым испытанием. Решение бытовых проблем усложнялось с приближением зимы, особенно после моего отъезда в колхоз. В Ленинграде в последнее время именно я был в доме помощником по хозяйству. К тому же здесь они столкнулись с бытовыми шарадами, которые в Питере, в условиях города, им решать не приходилось.

Казалось бы, местные власти сделали для нашей семьи все, что могли. Родители были трудоустроены, получили комнату. И им, и детям назначили хлебный паек. Но у родителей не было практического опыта в том, как организовать быт семьи в необычных для них сельских условиях, в начале наступающей зимы, да еще при их инвалидности.

Сельский образ жизни при отсутствии масштабного государственного снабжения, да еще в условиях военного времени предполагал

полную самодеятельность и самостоятельность всех жителей в обеспечении себя и продовольствием, и топливом, и таким простым, казалось бы, средством жизни, как вода. Местные жители справлялись с этим успешно. Почти во всех дворах были скот, птица, огороды, создавались необходимые запасы к зиме, в том числе запасы топлива (как правило, кизяка, навозных лепешек). Воду, у кого не было своего колодца, носили из Иртыша. У нашей семьи ни запасов, ни подготовленного топлива на зиму, ни опыта организации быта в условиях села не было. Сходяв на базар и увидев цены на продовольствие, они поняли, что их месячной зарплаты может хватить на скромное питание, но только на две недели. Что-то продать из вещей они боялись. Все-таки лагерь НКВД.

Не зная о том, что такое кизяк (и по питерской привычке), они купили очень дорогие здесь, в степи, дрова. Носить воду из Иртыша отцу, с его сердцем, было тяжело. Пришлось нанять водовоза.

В итоге денег на еду у них не осталось, и они через день оказывались на хлебной пайке с чаем. Хорошо, что в их распоряжении был еще и мой хлебный талон.

Коллеги-учителя, наблюдая за бытовыми метаниями моих родителей и сочувствуя им, старались, чем могли, их поддержать. Даже приносили им что-то из своих хозяйств. Но нормальная жизнь не складывалась. Даже дрова в печке не сразу загорались.

Кардинальное изменение внесла директор школы Анна Федоровна Кадькалова. Это ей родители по приезду нанесли свой первый визит. Анна Федоровна уговорила своих родителей, стариков Пономаревых, принять «на квартиру» нашу семью в свой большой саманный дом (разумеется, с оплатой). Для родителей это оказалось и большой удачей, и, может быть, даже спасением.

В доме Пономаревых, впервые за два месяца после приезда, родители оказались в нормальных бытовых условиях. В просторной, теплой комнате им хватало места, чтобы нормально спать, хозяйничать и готовиться к занятиям. А хозяйева, по традиции, жили в большой кухне, занимающей большую часть дома. В ее центре стояла огромная русская печь, она поддерживала тепло во всем доме. Там же стояла широкая хозяйская кровать. В доме было тепло, чисто и уютно.

Часть продуктов (молоко, яйца и кое-что еще) родители сразу же стали покупать у хозяев по щадящей (в сравнении с рынком) цене. Не надо было искать дров для отопления, вода была в колодце, рядом с домом. Важным было и то, что и старик Федор Павлович Пономарев, и его супруга с первого дня постоянно проявляли заботу о нашей семье.

В той половине дома, где жили хозяева, продолжалась размеренная, обычная для села жизнь. Хозяева были погружены в заботы о домашнем хозяйстве. Каждое утро на кухне гудел сепаратор, перерабатывая молоко. Лечили большую курицу (шуму-то было!), выпаивали молоком маленького теленка, пекли хлеб.

Вернувшись из колхоза в последних числах ноября, я застал родителей уже в этой квартире. Познакомившись с хозяевами, я был потрясен внешним видом Федора Павловича. Это был высокий могучий мужчина с большой седой бородой, в возрасте за 60 лет. Гигант!

Слово за слово, и неожиданно выяснилось, что Федор Павлович и его супруга Александра Пименовна были одними из первых «столыпинских переселенцев» в этих краях, основателями села Иртышское.

Воистину, это была фантастика, историческая находка! Передо мной сидел живой участник событий, которые для нас уже давно стали далекой историей. Родители присоединились к моему изумлению. Огромное впечатление произвели на нас и рассказы наших хозяев: от них мы узнали, как они обустроивались и обживались на целинной, нетронутой сибирской земле, как в деталях осуществлялась знаменитая столыпинская реформа.

Федор Павлович и его жена перебрались в эти места летом 1904 года, будучи еще молодыми людьми. Прибыв на трех повозках в прииртышские степи с грамотой переселенца, Пономаревы получили здесь в вечное пользование землю в объеме, который они могли, по их расчетам, использовать. Естественно, привлекая наемную рабочую силу.

Их встретил бай, исполнявший функции местного чиновника-землемера. Разумеется, и в те времена дело без взяток не обходилось. Но это, конечно, рассматривалось как поднесение подарка (бакшиша) чиновнику, который определял место земельного владения переселенца. А уж потом губернская власть в г. Омске выправляла необходимые бумаги.

По словам старика Пономарева, бакшиш был пустяковый — рублей пять (стоимость годовалой телки), а земли можно было получить столько, сколько осилишь.

Как исторический анекдот или легенду он рассказал нам о якобы имевшем месте случае, когда прижимистый переселенец решил не давать баю таких денег, а сунул ему рубль. Бай посмотрел на него с усмешкой и, приведя на место, сказал: «Ширина твоей полосы от этого озера на север — четверть версты». — «А в длину сколько?» — спросил переселенец. «А вон солнце на закате видишь? Оно уже почти

село, — отвечал бай. — Вот беги в его сторону, пока оно еще будет на небе. Там, где ты будешь, когда солнце скроется, и будет граница, край твоей земли». Крестьянин, ошалев от возможности получить большой надел, сбросил армяк, шапку и побежал. Вскоре он скрылся из глаз. Наутро его нашли далеко в степи, мертвым. Сердце не выдержало. Говорили, что так бай наказал его за жадность.

Пономаревы довольно быстро стали зажиточными хлеборобами, как и другие переселенцы. Они собрали большой табун отличных лошадей, стадо рабочих быков, современный по тем временам зарубежный инвентарь, главным образом шведскую технику, включая паровую машину. Каждую весну и осень у них на участке собиралась бригада вольнонаемных работников. Как правило, это были молодые люди, которые зарабатывали на свое будущее хозяйство.

Новые хлеборобы часто бывали в Омске, Павлодаре. Посещали ярмарки. Одежду покупали в городах. Ездили на тройках. Интересны были рассказы Федора Павловича о том, как готовились к странствованию по бескрайним степям. Каждый раз, естественно, это было событием и происходило, как правило, зимой. На длинную дорогу готовили еду. Замораживали в мисках борщ, молоко и даже чай — настой степных трав с малиной. Замороженные круги складывали в мешки. К этому добавлялся мешок мороженых пельменей, мешок мороженого хлеба да мешок с овсом. Выезжали двумя-тремя тройками.

По пути останавливались на постоянных дворах. Доставали котелки, разогревали еду. Там же ночевали, и дальше в путь. Свообразные сибирские гостиницы, постоянные дворы, где принимали на постой путников, стояли в те времена на всех наезженных трактах Западной Сибири.

Родили Пономаревы двадцать одного ребенка. Выжило шестеро. Все удачно вписались в новую советскую реальность. Двое уже в советское время получили высшее образование.

Но в 30-е годы хлеборобная жизнь переселенцев была разорена. Земля была отобрана. Лошади, скот, инвентарь и машины изъяты. Все постройки разобраны и увезены. В стране проводилось всеобщее раскулачивание т.н. «мироедов-кулаков», несущих, по мнению вождей октябрьского переворота, угрозу светлому будущему страны.

Когда мы только прибыли в Иртышское и шли по селу, нам бросились в глаза необычно большие расстояния между жилыми постройками. Они доходили до ста метров. Оказалось, что эти пустые промежутки представляют собой результат того самого «раскулачивания».

До 30-х годов рядом с жилыми домами хлеборобов располагались не только огороды. Здесь находились хозяйственные постройки: мастерские, конюшни, амбары для зерна, сараи для инвентаря, бараки для наемных работников и т.д. Все было реквизировано, разрушено, вывезено и растащено. Оставлены были только жилые дома, поскольку они были глинобитными (из глины с соломой) и их нельзя было разобрать. И вот — пустыри рядом с ними. Остались и сами раскулаченные хлеборобы. В этом было своеобразие раскулачивания в Сибири. Бывших переселенцев не отправили на поселение в глухие районы, как это произошло с репрессированными крестьянами в Европейской части страны. Там их просто вывезли и погубили в северных областях, оставив в лесах в мороз и без пищи.

Тогда правительство рассматривало северные территории и территории за Уралом как места ссылки бывших кулаков и репрессированных граждан. Именно поэтому раскулаченные сибирские хлеборобы не сходя с места становились первыми «поселенцами» лагерей НКВД, которые там начали создаваться. Там они и продолжили свою жизнь. Но теперь уже без права выезда.

Работать в колхоз Федор Павлович не пошел (формально ему позволил так поступить его возраст). А ведь какой был хлебороб! Но не мог он простить советской власти учиненный над ним грабеж. Стал старик огородничать да заниматься кустарным промыслом. Возмущался воцарившейся бесхозяйственностью и безответственностью. Бесстрашно ругал установившиеся порядки и действующую власть.

Однажды рассказал мне такую злую шутку, в которой обыгрывается оценка крестьянином-казахом современной жизни. Чистой воды «контра», вполне достаточная для осуждения по 58-й статье, но он совершенно не боялся такое мне рассказывать.

Был царь Николашка,
Мой носил два рубашка.
А теперь «инын сыгын!»¹
Новый режим, голый лежим.

Он был уверен, что ему, находящемуся в лагере, можно теперь ничего не бояться. Между тем его критика в адрес экономической политики во многом была обоснованной. И она способствовала появлению в моем сознании новых критических размышлений. Спасибо, старик!

¹ Казахское ругательство.

Переезд на новую квартиру и новые знакомые

Зима 1941–1942 годов прошла для нашей семьи без приключений. Как и планировалось, в марте мне пришлось прервать учебу и вновь оставить родителей без своей поддержки. Но теперь у них были уже другие условия жизни. Да и Лада, моя сестра, к тому времени подросла и стала умелой хозяйкой.

Меня предупредили об отъезде и вместе с другими старшеклассниками стали развозить по хозяйствам. Теперь я был командирован в колхоз им. Чапаева. И ехал на посевную уже в качестве тракториста, имея на руках соответствующие права. Их я получил после окончания курсов и сдачи экзамена в районной квалификационной комиссии.

В колхозе им. Чапаева мне довелось поработать на посевной два с половиной месяца. Жил я на полевом стане, работал, как принято, без выходных, по 14 часов в день. А перед самым отъездом умудрился подхватить дизентерию. Это было «не фонтан»! Никогда больше в жизни я так тяжело не болел. Лежал я во дворе местного медпункта, не приходя в сознание пять дней. Но молодой организм выдержал.

Приехав домой к концу мая, родителей в доме у стариков Пономаревых я уже не застал. Пока я был в колхозе, отцу предоставили очень неплохую однокомнатную квартиру в небольшом двухквартирном домике. С кухней, с большой кладовкой и сенями. Домик находился недалеко от школы и почти рядом с рекой Иртыш.

После переезда родители, опираясь на помощь дочери, а также на накопленный опыт сельской жизни, по-хозяйски расположились в новом доме и на его территории. Даже огород вскопали. Обустройство нашего нового дома подвело итог всему тому времени, которое мы пробыли в Иртышском, впитало весь накопленный нами опыт. На радостях мы с сестрой даже закупили навоз и сформировали годичный запас плиток кизяка. Это оказалось очень просто и дешево. Теперь мы могли встречать любую холодную зиму.

Появление новых жильцов не осталось незамеченным. Началось знакомство с ближними и дальними соседями. С постоянными жителями села контакт у родителей установился сразу же, с момента переезда. Как учителя школы, родители были на селе фигурами узнаваемыми. Но тут выяснилось, что почти в каждом из близлежащих домов живут на съемных квартирах интернированные польские семьи. Мы даже шутили потом, что нам довелось поселиться на территории маленькой сибирской Польши.

Первый контакт с живущими по соседству польскими женщинами установила мама, причем прямо на улице. Для нее это было несложно,

она говорила по-польски (ее мать, а наша «краковская бабушка» Эмилия Станиславовна была полькой и говорила на трех славянских языках). Симпатичные пани отнеслись к маме дружелюбно. Встречи повторялись, становились все продолжительнее. И вскоре модно одетые и причесанные пани стали заходить к нам в гости. Если это было вечером, то в разговоры включался и отец.

Наши польские знакомые оказались, не в пример нам, очень практичными людьми. Они надавали родителям немало ценных советов. Например, как и с кем лучше решать вопросы по хозяйству в этом селе, где, что и когда покупать, кому можно предложить купить золотую брошку, какие степные травы стоит собрать, чтобы получить душистый чай.

Были и курьезные ситуации. Одна из польских дам все уговаривала мою маму, чтобы она поспособствовала моему знакомству с ее дочерью Зосей, которой было в то время 13 лет. Мама не поддерживала эту инициативу, ссылаясь на мои вечерние занятия. Единственное, на чем они сошлись, — попросили меня пару раз сходить с Зосей на танцы, которые по субботам устраивались в нашей школе. Там собиралось много молодежи и было не скучно.

И я выполнил эту просьбу. Раза три сходили мы с Зосей на танцы, хотя было это хождение несколько необычным. Проходило оно в полном молчании. Потому как по-русски Зося почти не говорила, а я вообще не говорил по-польски. Но танцевала она хорошо и с удовольствием.

Польские поселенцы, наши новые знакомые, жили в Иртышском уже более двух лет. В том кошмарном для них 1939 году они оказались одновременно и свидетелями, и жертвами начала Второй мировой войны в Польше. Началась эта война, как известно, с нападения германского вермахта на Польское государство с оккупацией его западной части. На второй день продолжением этой оккупации стала оккупация советскими войсками восточной части Польши. (Такая удивительная договоренность была достигнута между товарищем Сталиным и г-ном Адольфом Гитлером еще за два года до начала Великой Отечественной войны. И эту странную договоренность поляки до сих пор не могут простить нашей стране.)

После того как в 1939 году Красная армия заняла восточные польские земли (Западную Белоруссию и Западную Украину), все офицеры и солдаты Войска польского, находившиеся на этих землях, оказались у нее в плену. А жены и дети офицеров были интернированы и вывезены в лагерь ГУЛАГа за Урал. Так наши новые знакомые оказались в Иртышском.

Несколько позже выяснилось, что среди интернированных польских семей были такие, в которых мужья не находились в плену у Красной армии. К моменту оккупации Польши эти военнослужащие, в основном офицеры, успели вылететь самолетами либо уйти на кораблях в Англию. Это прежде всего была армейская элита.

Все семьи жили здесь «на поселении» на равных. Жили на частных квартирах, получали хлебный паек, как и все ссыльные, и подрабатывали где придется.

Однако уже осенью 1941 года в их рядах произошло расслоение. Те семьи, чьи мужья оказались в Англии, начали получать денежные переводы от польского правительства в изгнании. А ранней весной 1943 года они покинули село Иртышское и были вывезены в Англию. Их путь лежал через Азербайджан и территорию Ирана.

Наши знакомые польские дамы, которые были женами офицеров, живших в Лондоне, попрощались с нами. Ничего не оставалось, как пожелать им счастливого пути.

В судьбе же оставшихся в селе польских семей тогда ничего не изменилось. Они продолжали свою жизнь на поселении, не получая никакой поддержки ни из-за рубежа, ни от своих мужей. Они по-прежнему не знали, живы ли их мужья или нет. Единственное, что оставалось этим семьям, — ждать окончания войны.

Доктор Вольф

Приближался Новый 1943 год. Мы решили встречать его не по традиции, в полночь, а на следующий день, совместив его с днем моего рождения. А я, именинник, решил в эту новогоднюю ночь, как подарок самому себе, отоспаться. Занятия по вечерам накопили основательную усталость. На этот раз мне исполнялось 16 лет — возраст самостоятельности и ответственности, — предстояло получить паспорт. Но главное — надо было подготовиться и сдать экзамены за 9-й класс. Минувшим летом я сумел отчитаться перед учителями за 8-й класс. И, самое значительное, я с июля был приглашен на работу в районную школу механизаторов, о чем будет рассказано позже.

Для придания праздничности родители объявили первое января 1943 года нерабочим по дому днем. Но я воспользовался этим, чтобы со свежей головой посидеть над учебниками. Вот так теперь приходилось искать время для «экстерна». А в рабочие дни находить время для занятий было совсем нелегко.

По случаю моего дня рождения мама приготовила праздничный обед. Праздничность заключалась в том, что на второе она потушила картошку с курицей, и обед сразу стал совсем довоенным.

К обеду был приглашен гость. Доктор-терапевт, родом из Минска. В Иртышском он жил, отбывая свой срок ссылки в пять лет после отбытия 8-летнего срока заключения «на северах». Было 10, но два года ему скостили за добросовестную работу. В Иртышском он работал в местной поликлинике.

Их знакомство с отцом произошло совершенно случайно. Стоя однажды в очереди в единственном в селе магазине, где по спискам выдавали хлебный паек ссыльным и эвакуированным, отец о чем-то заговорил со стоящим рядом с ним врачом местной поликлиники — Исайей Львовичем Вольфом (как он представился). Вольф получал в хлебном магазине свой паек. Правда, по другому списку — по списку лагеря. Они разговорились, и отец пригласил его к нам домой.

Мы к тому времени уже жили в своей новой половине дома, не бедствовали и могли хоть и скромно, но позволить себе покормить гостя. Это дало нам возможность узнать еще одну историю из эпохи репрессий. На сей раз из жизни «врага народа из Беларуси» (так благодущный Вольф сам себя в шутку называл). История была длинной, но нам довелось услышать ее до конца. А началась она еще до революции 1917 года.

Сын минского успешного купца, будучи еще совсем юным, самостоятельно отправился из родного города Минска в Швейцарию получать медицинское образование. О том, что довелось ему там увидеть неожиданного и интересного, он мог теперь рассказывать часами. Но университет он все-таки окончил. Вернувшись, он стал практиковать как терапевт в родном городе. Сначала частным образом, а затем, в советское время, в государственной поликлинике. Благодаря хорошим знаниям и большому опыту он вскоре заслужил признание пациентов. К этому времени у него уже были и семья, и дети.

Но в середине тридцатых годов предприимчивый и слишком популярный в Минске врач начал мешать своим авторитетом местному медицинскому руководству. Он позволял себе иметь по поводу некоторых общегородских предписаний свое мнение, что, естественно, раздражало. И тогда медицинское руководство города приняло достаточно подлое, но типичное для того времени решение. Оно предположило участие доктора в контрреволюционной деятельности и сообщило о своих подозрениях в компетентные органы.

После того как в городские органы НКВД поступил донос, их сотрудникам «сразу же стало совершенно очевидно», что перед ними агент зарубежной разведки, завербованный во время учебы за границей. Тем более что он сразу же во всем сознался, так как знал, что иначе его будут бить, пока он не сознается.

Ему дали десять лет по 58-й статье (антисоветская деятельность) и пять лет поселения-ссылки (поражения в правах). В сороковом году на Колыме, где он работал в зоне, его досрочно освободили, сократив срок на два года за заслуги в лечении лагерных тружеников, и отправили в Иртышское отбывать ссылку. Здесь он работал в поликлинике участковым врачом.

О том, что стало с его семьей после его ареста и особенно после оккупации Минска немцами, он не мог даже думать. Решил просто ждать. Вот такая, тривиальная для того времени, история.

Родители неоднократно обращались к Исаяе Львовичу за медицинскими консультациями. Он старался проводить их у нас дома. И медицинские консультации одинокого доктора как-то естественно стали завершаться скромным, но приличным для того времени ужином и длинными разговорами за чаем, настоящим на травах, естественно, без сахара. Травы мы по-прежнему собирали в степи, следуя рекомендации наших знакомых польских дам. А возможность нормально пообедать и даже пригласить гостя пришла в наш дом благодаря папиному огороду и моему специальному пайку, который я теперь получал, работая в школе механизации.

Небольшое заключение

Письма в Иртышское приходили. Даже из осажденного Питера. И отец регулярно обменивался письмами с нашими родственниками (по бабушкиной линии) и знакомыми в Ленинграде, друзьями и родственниками в Куйбышеве и в Алма-Ате. Правда, шли эти военные письма очень долго — до двух месяцев. Все письма были вскрыты, а на конвертах (и открытках) стоял штамп — «проверено военной цензурой». Поэтому писать о тяготах жизни никто не решался. Письмо бы просто не пропустили, и оно бы не дошло. Но однажды центр подобную информацию не углядел. В своем очередном почтовом сообщении, намереваясь сообщить отцу об ужасах ленинградской блокады, его коллега Виталий Иванович Устрицкий, оставшийся в Питере, использовал в сообщении на простой почтовой открытке слова «факты

каннибализма». И открытка пришла в Иртышское. Цензор просто не знал, что означает это слово. Зато папа и мама с этого момента поняли, что творится в нашем родном городе. И еще раз поблагодарили судьбу за то, что она способствовала нашей эвакуации из Ленинграда. Останься мы в городе, на чем перед нашим отъездом настаивали практически все наши знакомые и коллеги родителей, нам бы не удалось выжить. Чем больше мы узнавали о гибели наших знакомых и друзей, оставшихся в Ленинграде, тем больше в этом убеждались.

Мое отрочество. Первая профессия

Мне очень хотелось в первом военном учебном году окончить 8-й класс и сдать соответствующие экзамены. Но к занятиям удалось приступить только в начале декабря.

В конце марта 1942 года моя учеба в 8-м классе Иртышской сельской школы вновь была прервана. Пока я зимой посещал занятия в 8-м классе, всех нас, мобилизованных старшеклассников, обязали обучиться тракторному делу и окончить курсы трактористов. Районная комиссия приняла у нас соответствующий экзамен и выдала квалификационные удостоверения. И теперь меня направляли в один из колхозов района как тракториста.

Но когда я прибыл в колхоз им. Чапаева, работа по новой профессии далась мне далеко не просто. Ведь «живой» трактор я в первый раз увидел, только когда туда приехал. И это несмотря на то, что в кармане у меня лежало удостоверение на право им управлять. Так, к сожалению, выглядела в то военное время скоростная система подготовки механизаторов из числа мобилизованных школьников.

Но мне повезло. У меня оказалась замечательная «прицепщица» — это такой помощник тракториста (он обязан обслуживать прицепные орудия пахоты и других операций). Звали ее Люба, и она была лет на 7–8 старше меня. До войны она работала прицепщицей у своего мужа-тракториста, который теперь был в армии. Она вполне могла и сама работать на тракторе, но у нее не было для этого удостоверения. Однако главным было не это. Она боялась брать на себя ответственность за старую технику, за перерасход горючего и т.п. Но сама в то же время была заинтересована в том, чтобы трактор работал, поскольку получала за это свои «трудодни». Вот эта Люба и помогла мне на первых порах приобрести опыт работы на тракторе. После некоторого замешательства все наладилось, и мы с ней без перебоев работали,

успешно перевыполняя установленную норму. Рабочий день продолжался 14 часов, работали без выходных.

Несмотря на мои подростковые годы, относились ко мне в бригаде по-доброму. Правда, не исключено, что еще и потому, что у меня был такой замечательный прицепщик. К ней в бригаде все относились с большим уважением. Работа шла без перебоев. Так незаметно прошло два месяца. Посевная кампания уже подходила к концу. И тут неожиданно я умудрился заболеть чем-то вроде дизентерии, да так серьезно, что чуть не отправился на тот свет. Сутки провалился в бригаде, а потом по настоянию Любы меня отвезли в деревню в медпункт. Слава Богу, моей гибели не допустил старик-фельдшер колхозного медпункта, который буквально выходил меня. Причем с четвертого дня, когда я уже начал приходить в себя, стал по своей инициативе меня подкармливать. В его обязанности это никак не входило. Так я провалился семь дней у него во дворе на деревянной скамейке (в деревенских медпунктах мест для больных не предусматривалось), а затем дошел до правления колхоза и отправился на попутной машине домой, долечиваться. Единственное, что меня радовало тогда, — это то, что уезжал я тогда из колхоза уже опытным механизатором.

Новое назначение

Так я вернулся в село Иртышское, к родителям. Отлежавшись пару дней, я начал принимать участие в обустройстве нашего нового дома. Пока я работал в деревне, в нашей семье произошел ряд существенных событий. Отец работал все это время в селе учителем средней школы. Призыву он не подлежал по возрасту и по зрению. Между тем местные власти, узнав, что он известный специалист в области филологии и что к нему на занятия, проводимые в школе, и на лекции ходят учителя и работники райисполкома, существенно изменили свое отношение к нему.

Сначала его назначили завучем школы, а затем дружно поддержали его инициативу стать шефом местного детдома.

Чтобы оценить масштаб этой затеи, следует иметь в виду, что в этом детдоме находился одновременно и интернат для старшеклассников из «глубинки», из тех деревень, где не было школ второй ступени. Отец по собственной инициативе стал регулярно, вечерами по четвергам, приходить в интернат. Он читал ребятам рассказы классиков, сообщал о событиях войны, о жизни страны, о ее истории. Рисовал на доске

(а он был неплохим художником) величественные здания и памятники Ленинграда, Москвы, Екатеринбурга. Дети бережно охраняли доску с его рисунками до следующего занятия и только тогда стирали старый рисунок. На селе об этих четвергах знали очень многие. А власти стали приглашать отца читать лекции руководителям и чиновникам района, в том числе даже по таким далеким от его специализации темам, как «Международное положение». С этого момента нам в дом стали приносить все газеты, которые поступали в район. И беспартийный отец вошел в состав районного «актива». На фоне такого признания и после года кочевания по съемным квартирам ему было предоставлено отдельное «казенное жилье» с территорией. Именно это жилье мы в то лето и обустроивали.

Но на первом месте у меня в эти июньские дни был вопрос о сдаче экзаменов за восьмой класс. Я же их «пропахал» на тракторе! И помимо хлопот по дому, я засел за учебники и за сборники упражнений. И даже сдал первый экзамен. В школе были каникулы, сдавать экзамен пришлось преподавателю на дому.

Однако не прошло и десяти дней со времени моего возвращения, как из школы сообщили, что меня в канцелярии ждет повестка на новое место работы. «Быстро, однако, власти узнали, что я уже вернулся!» — подумал я тогда. Сходил в школу, расписался в почтовом журнале и получил повестку.

На этот раз меня направляли на работу на машинно-тракторную станцию (МТС) на дальнем восточном краю села. Родители мою очередную мобилизацию восприняли молча. Радости у них это не вызвало, а говорить что-либо иное они избегали. Меня тревожил лишь один вопрос: когда же готовиться и сдавать экзамены за минувший учебный год? Забегая вперед, скажу, что экзамены я все-таки сдал. Другое дело — с каким качеством. К большому сожалению, тогда этот вопрос был не самым актуальным.

Уже на следующий день, одетый во «все рабочее», с повесткой в кармане, я отправился по главной дороге села к новому месту работы. До него было километра два с половиной. Однако судьбе не было угодно, чтобы я туда дошел. Совершенно неожиданно мне повстречался преподаватель, который вел у нас в школе уроки тракторного дела, Николай Иванович Покровский. В нашей семье знали, что сам он был, как и мы, ленинградцем. В селе отбывал ссылку после лагерного срока «на северах» по 58-й статье. Он был инженером по образованию и работал в Школе механизации сельского хозяйства.

Узнав, что меня мобилизовали в МТС, Николай Иванович внимательно прочитал мою повестку, задумался, а потом сказал: «Ты ведь не очень спешишь? Давай зайдем к нам в Школу механизации, поговорить надо». Спеху, действительно, не было, а побывать в Школе механизации было даже интересно. И я согласился. А по дороге рассказал ему о своей работе в колхозе.

Подойдя к конторе школы, Николай Иванович попросил меня подождать. Минут через пять он позвал меня, и мы вошли в кабинет директора. Мне предложили сесть, и начался удивительный для меня разговор. Мне сказали, что меня приглашают (!) на работу в Школу механизации в качестве инструктора-преподавателя (!), и если я не против (!), то обещают решить вопрос с районным руководством об отмене моего направления в МТС. И очень надеются, что я не буду возражать.

Надо сказать, что я был настолько поражен таким предложением и особенно формой, в которой оно было преподнесено, что в первый момент, как говорится, лишился дара речи. О работе почти рядом с домом, да еще с преподавательским уклоном, я не мог даже мечтать. Заметив мое замешательство, мои собеседники восприняли его как сомнение и принялись меня уговаривать. Но я быстро пришел в себя и сказал, что согласен на работу в школе и благодарен за такое предложение. Тут же, не сходя с места, по телефону был решен вопрос о моем переназначении.

Меня оформили на должность тракториста-инструктора Школы механизации. Новоиспеченному инструктору было от роду 15 лет. В моем первом в жизни личном деле появилась запись: «Образование 8 классов. Сдал экзамен по материальной части трактора в Госкомиссии школы механизации в феврале 1942 года. Работал трактористом на весенне-полевых работах в колхозе им. Чапаева Иртышского района Павлодарской области».

Завершая описание этого неожиданного для меня события, следует сказать, что, как выяснилось в дальнейшем, новое место работы оказалось еще и «хлебным». Помимо заработной платы работавшие здесь получали продовольственный паек. В его состав входил, если оценивать по местной ситуации, «дефицит», которому в этих местах не было цены: мука, керосин, плиточный чай, мыло. Для нашей семьи это стало полной неожиданностью, но с этого времени мы наконец перестали недоедать. Стали жить, как жили другие люди в селе в то военное время.

Новоиспеченный инструктор

Уже на следующий день после моего официального оформления инструктором я пришел на свое новое место работы. Школа занимала немалую территорию. По ее периметру стояли одноэтажные здания и сооружения разного времени постройки. Большая мастерская, учебное помещение, контора и несколько капитальных гаражей. В гаражах размещалась техника, здесь же проходили практические занятия.

Кроме директора, бухгалтера и моего «тракторного учителя» Покровского, с которыми я уже был знаком, в школе работало три инструктора. Двое из них были сорокалетними мужчинами, по разным причинам освобожденными от призыва в армию. Они, как тогда говорили, имели «бронь». Третий инструктор был пенсионного возраста, хотя внешне на старика похож не был. Это был могучий сибиряк, и фамилия у него была звучная — Лобода.

По сложившемуся здесь распределению обязанностей мой учитель Николай Иванович, инженер по профессии, проводил занятия в аудитории. Инструкторы вели практические занятия по ремонту и обслуживанию техники и обучали работе на ней.

В этом распределении труда мне достался колесный трактор У-2, очень похожий на тот, что был у меня в колхозе. Он стоял в небольшом гараже и был единственным агрегатом школы, который курсанты могли и должны были разбирать и собирать. Моя обязанность заключалась в организации этого действия.

Кроме инструкторов в Школе механизации работало два слесаря-ремонтника значительного возраста. Но это были уникальные специалисты, на которых был возложен ремонт всего парка машин. Выполняли они его безупречно. Это выглядело как чудо, если учесть, что запчастей в те годы в стране не производили. Их мастерство было известно далеко за пределами школы. К тому же они слыли еще большими юмористами. Сохранив в своей памяти массу историй и шуток сибирского края, они нередко заставляли своих слушателей смеяться до слез. Правда, особой остроты их юмор достигал еще и потому, что в нем была немалая доля неформативной лексики. Матерились они искусно!

У школы в течение года было три основных периода работы: учебный, полевой и ремонтный. Учеба курсантов (учебный период) проводилась только в зимнее время, с октября по апрель, когда на полях наступало затишье. Полевой период приходился на весну и осень, когда вся школьная техника вместе со специалистами были задействованы

на полях. Когда я появился в школе, здесь был ремонтный период, и до начала учебных занятий было еще далеко. Технику готовили к уборке урожая и к обучению курсантов.

Меня руководство весьма разумно, как я понял в дальнейшем, направило в мастерскую, где как раз шел ремонт двигателя одного из комбайнов. Ремонт вел старик-слесарь, которого звали Корнеич. Еще только войдя в дверь мастерской, я тут же, от порога, получил от него задание: «Снимай головку двигателя и начинай притирку клапанов».

Работа была не тяжелой, но ужасно нудной. Периодически старик подходил ко мне и, взглянув на состояние клапанов, отходил, не сказав ни слова. Было очевидно, что нужного результата пока не случилось. Сам он занимался в это время другими узлами двигателя. Через три дня этой занудной работы, осмотрев в очередной раз мои клапана, Корнеич неожиданно сказал: «Хватит!» и бережно протер их чистой тряпкой. Мы начали сборку двигателя.

Так постепенно приходил опыт, которого раньше у меня не было. После того как двигатель установили на комбайн, наше сотрудничество с Корнеичем продолжилось, чему я был очень рад. Я все время учился у него чему-то новому. И вот что меня особенно поражало. На людях Корнеич слыл острословом, шутником, но в мастерской он работал молча, не произнося ни слова. Даже команды иногда давал жестом. Здесь он был Мастер, и даже просто наблюдать за тем, как он работает, было одно удовольствие!

Прошло чуть больше месяца, и в жизни школы наступила осенняя половина полевого периода. С большим обозом техники мы отправились в степной колхоз «Кызыл Жол». Там мы поработали на уборке и осенней вспашке полтора месяца. Жили на полевом стане в степи. Я попеременно работал то на комбайне, который освоил прямо в поле, то на большом гусеничном тракторе. Как правило, работал один, но «под приглядом» старика Лободы. Иногда мой Лобода уезжал домой на денек, на побывку к семье, оставляя все на меня. Но я его ни разу не подвел.

Заработал я за это время немного пшеницы, два мешка проса. Дома все оказалось очень кстати. Но осенняя работа на полях дала мне не только продукты. Я впервые почувствовал уверенность в себе, работая с техникой. Появились новые знания, новый опыт. Я почувствовал себя совершенно другим человеком.